

Социальная релевантность и социальная ниша психологии

В статье рассматривается место психологической науки и основанной на ней психологической практики в современном российском обществе. Показывается, что психология занимает в нашем обществе весьма скромное место, не соответствующее ее истинным возможностям. Высказывается мнение, что психология должна стремиться к повышению своей социальной релевантности и расширению занимаемой ею социальной ниши путем более активного выполнения мировоззренческой функции, а также функции конструирования социальных практик.

Ключевые слова: психология, социогуманитарная наука, социальная релевантность, социальная ниша, мировоззренческая функция, образы общества, социальные практики.

Перспективная дисциплина

Наступившее столетие на Западе обычно воспринимается как «век биологии» [11], для чего имеются веские основания: перспективы, открываемые геной инженерией; огромный социальный резонанс клонирования; лидерство биологии и медицины по такому параметру общественного интереса к различным наукам, как время, уделяемое им западными СМИ [19], и другие подобные обстоятельства.

Трудно предсказать, каким будет наступивший век для нашей страны, где, как известно, «даже прошлое непредсказуемо». Еще труднее прогнозировать, веком какой науки он будет, и сохранится ли у нас наука вообще. Но начался он в России, вопреки мировым тенденциям, не как век биологии, а как век социогуманитарных дисциплин, о чем свидетельствуют разнообразные, но тесно связанные между собой показатели.

Именно в сфере социогуманитарных наук наблюдаются наиболее высокие темпы роста количества исследовательских центров и общей численности специалистов. В социологии за последние годы возникло более 100 новых центров [28], в политологии — более 300, причем с денежным оборотом порядка 3-4 млн. долларов в год [22]. Общее количество аспирантов и докторантов в политологии возросло в 3 раза, в экономике — в 2.5 раза [21]. Категория «новых русских ученых», имеющих доходы свыше 1000 долларов в месяц, тоже формируется в основном за счет представителей социогуманитарных дисциплин [25].

Подобные тенденции проявляются и в сфере высшего образования. Стоимость платного обучения наиболее высока на политологических и экономических факультетах социогуманитарных вузов (МГИМО, ВШЭ и др.). Из числа новых учебных курсов 75% относятся к менеджменту, экономике и юриспруденции; 97% негосударственных вузов, ориентированных в своей деятельности на рыночные принципы, заняты предоставлением услуг в сфере социогуманитарного образования [7]. Наши технические вузы, на заре реформ переименованные в университеты, выживают тоже в основном за счет открытия гуманитарных факультетов. Да и по таким специфическим российским критериям, как стоимость услуг репетиторов и размер взяток при поступлении в вузы, социогуманитарные вузы и факультеты находятся вне конкуренции [27].

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ (проект N 05 — 03 — 03036а) и РФФИ (проект N 06 — 06 — 80310а).

Аналогичные тенденции наблюдаются и в массовом сознании. Звучат утверждения о том, что именно «гуманитарное образование становится производительной силой общества» [18, с. 88], а наши СМИ явно предпочитают политологов и экономистов представителям естественных и технических наук. Как пишет В. П. Филатов, «сейчас на общественной трибуне тон задают экономисты и политологи» [19, с. 95], которые не сходят с экранов телевизоров, в то время, как, скажем, физика на нашем телевидении можно увидеть очень редко, да и то лишь в том случае, если он получил Нобелевскую премию.

Все это позволяет констатировать изменение общей траектории развития отечественной науки, ее переключение с прежней — «космической» — на новую — «политическую» траекторию. Основными признаками науки советского периода служили, во-первых, явный приоритет естественных дисциплин перед социогуманитарными, во-вторых, главенство физики в «семействе» естественно-научных дисциплин, в-третьих, преобладание оборонно ориентированных космических исследований (на долю которых приходилось до 80% общих расходов СССР на науку) среди всех прочих проблем, изучаемых физикой; главными атрибутами современной отечественной науки являются, во-первых, приоритет социогуманитарных наук перед естественными и техническими, во-вторых, доминирование политически релевантных дисциплин в системе социогуманитарного знания, в-третьих, их ориентация на разработку прикладных технологий, а не на собственно научную проблематику [24].

На фоне описанных тенденций психологическая наука оказалась в неоднозначном положении. С одной стороны, в нашей стране существует большой спрос на психологическое знание и его практическое применение: психологи уверенно обосновались в банках, кадровых агентствах и иных коммерческих структурах, консультируют бизнесменов и политиков, участвуют в подготовке и проведении избирательных кампаний; с другой, — они куда менее заметны в нашей общественной жизни, чем экономисты, политологи и правоведаы, а в рядах «видимых ученых» [19] намного менее «видны», нежели представители этих дисциплин. Симптоматичны и данные опроса, который продемонстрировал, что наши студенты делят социогуманитарные науки на три категории, относя к числу «дисциплин-лидеров» экономику и правоведение, к «перспективным дисциплинам» — «специальностям будущего» — социологию, психологию, политологию и международные отношения, к «дисциплинам-аутсайдерам» — историю, филологию, философию, культурологию и педагогику [4]. То есть психология находится среди «перспективных» дисциплин, но не среди «лидеров», что отражает ее нынешнее место в иерархии социогуманитарных наук, сложившейся в нашем обществе, и вообще ее положение в этом обществе.

Социальная релевантность психологии

Социальная ниша современной психологии определяется тем, что психологи активно участвуют в «малых делах», занимаясь отбором и обучением персонала, психотренингом, психоаналитической работой с клиентами, консультированием бизнесменов и политиков, «большие» же дела, такие как выработка программ нашего экономического и социально-политического развития, вершат в основном экономисты, правоведаы и политологи.

Наиболее комфортное для психологов объяснение данной ситуации могло бы состоять в том, что, хотя они способны на многое, в том числе и на участие в «больших делах», к участию в решении глобальных социальных проблем их не привлекают — в силу того, что власть

предержащие плохо представляют себе возможности психологии или вообще не знают о существовании такой науки. Кроме того, в современном обществе, где сложился «культ экспертов» [10] и соответствующих видов деятельности, существует и такой феномен, как «клики экспертов» [там же], которые конкурируют за влияние на власть и за соответствующие финансовые потоки. Эти «клики» организованы по дисциплинарному принципу, а экономисты, правоведаы и политологи, оказывающие влияние на власть и выступающие в роли экспертов, очень неохотно пускают в свои ряды «чужаков», в том числе и психологов, а если и пускают, то стремятся строго ограничить круг их компетентности. Но все же в данной ситуации, как и во всех прочих, не только спрос рождает предложение, но и предложение влияет на спрос, и многое определяется тем, что психологи способны предложить нашему обществу. А предложение ими своих услуг в основном ограничено частными и локальными задачами.

Оценивая социальную нишу психологии в нашем обществе, можно прибегнуть к системе рассуждений в рамках известной логики, согласно которой экономика — это базис общества, политика — «концентрированное выражение» этого базиса, а психология — один из элементов надстройки над ним. Соответственно психологическая наука относится к числу не «базисных», а «надстроечных» дисциплин, менее значима для общества, чем экономика или политология, и может претендовать лишь на весьма скромную роль. Вместе с тем, из уст отечественных обществоведов нередко можно услышать утверждение о том, что основные проблемы современного российского общества — именно психологические, связанные с особенностями российского менталитета, из-за которых даже наиболее прогрессивные политические и экономические формы наполняются у нас специфическим содержанием, принося, мягко говоря, неожиданные результаты. В силу этого, а также ряда других обстоятельств, психологической науке иногда предрекается куда более заметная роль, в том числе «ядра» всей системы социогуманитарного познания, и звучат прогнозы о том, что XXI век станет «веком психологии» [1].

² Аналогичная стратификация может быть прослежена по такому параметру, как количество учебников и учебных пособий, изданных по социогуманитарным предметам. Больше всего таких изданий относится к правоведению (с 1990 по 2000 г. 455 учебников и 488 учебных пособий) и экономике (соответственно 153 и 321). В психологии за эти годы было издано 64 учебника и 109 учебных пособий [13].

Сама психологическая наука тоже вряд ли согласится на статус «надстроечной» дисциплины. И дело даже не столько в ее амбициях и несколько уничижительном статусе «надстроечной» науки, сколько в гносеологических основаниях психологического знания. Общеизвестно, что все психологические теории, да и более локальные системы психологического знания имеют явную или имплицитную предпосылочную основу, сформированную общими представлениями о природе человека и общества. Как отмечает Дж. Израэль, существуют три типа общих положений, цементирующих основания любой социальной науки: 1) понимание природы человека³, 2) понимание природы общества, 3) понимание природы взаимоотношений между человеком и обществом [33]. Соответствующие представления включают, в той или иной форме, и ответ на вопрос о ключевом векторе детерминации в системе человек-общество. Ряд психологических теорий, например концепция интериоризации высших психических функций, исходит из примата общества над человеком. Но большая их часть, например психоанализ, имплицитно постулирует обратное направление детерминации: социальные институты рассматриваются как «выражение» человеческой психологии или механизмы контроля над ней⁴, а социальный порядок «выводится» из природы человека (см. [9] и др.). В психологических

программах «улучшения» общества и человека на первом месте тоже, как правило, стоит человек. «Улучшите природу человека, и вы улучшите все», — писал А. Маслоу (цит. по: [20, с. 521]). Аналогичные идеи высказывались З. Фрейдом, Э. Фроммом и другими классиками психологии.

³ Л. Хьелл и Д. Зиглер, анализируя психологические теории личности, подчеркивают, что «все мыслящие люди имеют определенные аксиоматические представления относительно человеческой природы. Теоретики личности не составляют исключения из этого правила» [20, с. 40], и выделяют 9 полярных оппозиций, выражающих эти представления: свобода-детерминизм, рациональность-иррациональность и др.

⁴ Следует отметить, что подобные представления об обществе характерны не только для психологических теорий. Например, целый ряд социально-философских концепций трактует государство как средство защиты чрезмерно агрессивных граждан друг от друга, т. е. как производную от человеческой природы.

Не задаваясь вопросом о том, какое из представлений об основном векторе детерминации в системе человек-общество более «правильное», а тем более «единственно правильное», напоминая дилемму о первичности яйца или курицы и особенно нелепым в современной — постнеклассической [17] — науке, все же следует отметить, что каждая социогуманитарная дисциплина выстраивает в этой системе иерархическую вертикаль, а вертикаль, характерная для психологии, оборачивает традиционные представления о базисе и надстройке. Согласно иерархии реалей, доминирующей в психологической науке, базисом является психология человека, а надстройкой — происходящее в обществе, что эквивалентно отнесению психологии к «базисным», а не «надстроечным» социогуманитарным дисциплинам.

В общем, у психологии есть весомые основания посетовать на то, что социальная ниша, занимаемая ею в нашем обществе, не отвечает ее истинным возможностям (хотя и удобна во многих отношениях) и что эта наука может дать обществу куда больше, чем дает.

С. Московичи, с именем которого принято связывать тезис о том, что психология должна быть социально релевантной наукой, понимал под ее социальной релевантностью гораздо большее, нежели ее практическая релевантность, и даже большее, чем, скажем, превращение психоанализа в своего рода «практическую религию» западного общества [3]. Социальную релевантность психологии он отождествлял с ее активным участием в решении важнейших социальных проблем, таких как социальное неравенство, политическое насилие, войны, расовые конфликты, а также выполнением ею мировоззренческой функции — выработкой и трансляцией в массовое сознание общего образа общества и происходящего в нем [35], т. е. участием психологии в «больших делах».

Соотношение практической и социальной релевантности психологии требует уточнения. По словам Г. Башляра, «психология давно перестала быть салонной наукой и превратилась в практику, которой занимаются все» (цит. по: [6, с. 42]), в том числе и в нашей стране, где в газетах можно встретить объявления типа «Требуется психолог до 35 лет. Психологическое образование необязательно». В нашей системе образования сейчас задействовано 64 тыс. психологов, в стране действует 700 психолого-медико-социальных центров, при этом численность психологов быстро растет вследствие того, что только в Москве их готовят более 70 вузов. Психологи активно занимаются практикой: рекламой, имиджмейкерством, организацией маркетинговых и избирательных кампаний, консультированием политиков и представителей бизнес-структур и т.п. На многочисленную армию психологов-практиков приходится лишь два психологических НИИ, что

вполне адекватно выражает численное соотношение исследовательского и практического компонентов отечественной психологии. Наблюдается и активная «миграция» в практику психологов-исследователей, которые превращаются, по выражению Д. Полкинхорна, в «близких к практике исследователей» [37]: сейчас трудно встретить «чистого» академического психолога, который одновременно не занимался бы психологической практикой. Заслуживает внимания и то, что на отечественном рынке психологических услуг традиционный для него товар — психологические ноу-хау и технологии — дополнился нетрадиционным — различными психологическими «изделиями», такими как детекторы лжи, оборудование для психологической разгрузки и др. Их продажа дает куда большую прибыль, что согласуется с общей закономерностью возрастания размера прибыли в направлении от ноу-хау к промышленным изделиям. Высказывается и идея о том, что «нет ничего теоретичнее хорошей практики» [5]. Эта практика, однако, разрослась настолько, что раздаются воззвания к ее теоретическому осмыслению и упорядочиванию.

В подобных условиях призывать психологию к обретению практической релевантности означало бы ломиться в открытую дверь, ибо такой релевантностью она уже обладает. Однако социальная релевантность психологии не эквивалентна ее практической релевантности. Социальная релевантность любой науки включает ее практическую релевантность⁵, но не сводится к ней, далеко выходя за ее пределы. Для обретения наукой практической релевантности достаточно ее активного участия в «малых делах», что характерно для современной отечественной психологии, в то время как ее социальная релевантность требует вовлеченности в «большие дела».

Б. Адам и Ю. Ван Лун выделяют три основные функции социальных теорий: 1) социальная инженерия (участие в социальном конструировании порядка и контроля), 2) осмысление (прояснение и объяснение) происходящего в обществе, 3) политическая мобилизация (создание основы для политических действий масс) [29]. Подобное представление о роли социальных теорий существенно отличается от ее типового восприятия психологами, особенно отечественными, как предназначенных для выполнения преимущественно когнитивных, а не социальных функций: объяснения и обобщения эмпирических данных, создания концептуальной основы для эмпирических исследований и т. д.⁶

Не призывая психологов к подготовке социальных революций и другим видам политической мобилизации масс⁷, являющейся третьей функцией социальных теорий в представлении Б. Адама и Ю. Ван Луна, рассмотрим реализацию в психологической науке двух других функций, отметив, что их можно трактовать как функции не только собственно психологических теорий, но и психологического знания в целом.

Мировоззренческая функция психологии

Осмысление и объяснение процессов, происходящих в обществе, является одной из главных (если не самой главной) функцией любой социальной науки, которую можно назвать ее мировоззренческой функцией. Даже если понимать психологию как науку о человеке, а не об обществе, абстрагируясь от таких ее разделов, как социальная психология, политическая психология, этническая психология и др., то и в данном случае она не является исключением, поскольку образ человека во многом задает образ общества⁸.

Объяснение происходящего в обществе предполагает создание его образа — как общества в целом, так и того конкретного общества (российского, американского, германского,

голландского и др.), в котором развивается та или иная национальная наука⁹. И, если западная психология в этом отношении всегда была достаточно активна (яркий пример — фрейдизм, описание которого входит в учебники социальных теорий), то отечественная психология традиционно скромна в проявлении своего мировоззренческого потенциала.

⁵Вообще следует отметить, что для социогуманитарной науки, в отличие от естественной и технической, более характерно не столько практическое применение, сколько «социальное разыгрывание» знания в разных, а не только в чисто практических, направлениях.

⁶В то же время существуют и исключения из этого правила. «О ценности теории можно в конечном итоге судить по ее полезности, которая доказывается результативностью методов воздействия на психологические изменения», — писал А. Бандура [31, с. 4]. Он же подчеркивал, что психологическая наука должна участвовать в «изменении функционирования социальной системы» [30, с. 323]. Более локальные, но тоже достаточно существенные социальные задачи ставил перед психологией Б. Ф. Скиннер — например, такие как реформа пенитенциарной системы на основе знания о принципах научения и психопатологии [39].

⁷Вместе с тем, эта функция социальной теории и вообще социогуманитарной науки представляется важной и в «спокойном» обществе, не помышляющем о революциях. В частности, гражданское общество предполагает достаточно высокий уровень политической мобилизации граждан. Важной задачей выглядит мобилизация и нашего общества на его очищение от разнообразной «скверны» в виде его криминализации, коррупции, деградации морали, наркомании и т. п., которое, возможно, вскоре станет нашей «национальной идеей».

⁸Подтверждением может служить опыт всех социальных наук. В учебниках политологии, например, регулярно отмечается, что все социальные теории можно разделить на две группы в зависимости от лежащего в их основе представления о том, какова природа человека, можно ли ему доверять, а, стало быть, какую степень свободы ему можно предоставить. В основе одной группы концепций, восходящей к Т. Гоббсу и Дж. Локку, лежит представление о том, что человек по своей природе агрессивен, стремится монополизировать общественные ресурсы, увеличивать свои выигрыши за счет окружающих и поэтому нуждается в подавлении и контроле со стороны общества, основным инструментом которых служит государство. В основе либеральных теорий общества лежит прямо противоположное представление о человеке [36]. Среди психологических теорий яркий пример концепции первого типа — теория З. Фрейда, концепций второго типа — теория К. Роджерса. Примером столкновения соответствующих взглядов на природу человека может служить признание К. Роджерса в том, что «когда такой фрейдист, как Карл Меннингер, говорит мне в дискуссии по этому вопросу, что он воспринимает человека как «врожденное зло» или, более точно, «врожденную деструктивность», я могу только в изумлении покачать головой» (цит. по: [20, с. 534]). При этом идея Роджерса о том, что человек рационален, а «абсурдность многих его поступков, столь очевидная в повседневной жизни (например, убийства, изнасилования, жестокое обращение с детьми, войны), проистекает из того, что человечество пребывает «не в согласии» со своей истинной внутренней природой» [там же, с. 552], выглядит довольно странной.

⁹Представителям европейской психологии принадлежит идея о том, что образ общества в целом — это абстракция, поскольку любое конкретное общество обладает уникальной спецификой, выражающей его социокультурные особенности, и поэтому, психологические закономерности, выявленные скажем американскими психологами, не распространяемы на другие культуры [2]. Не отвергая эту точку зрения, все же трудно отрицать, что имеются и универсальные,

надкультурные психологические закономерности, а различные общества имеют надкультурные инварианты. В противном случае сама возможность существования наук об обществе оказалась бы под вопросом.

Так, теории, которыми по праву гордилась советская психология, были разработаны на марксистских основаниях, в целом с опорой на представление об обществе, характерное для марксизма, что во многом и обрекло ее на роль «надстроечной» науки. Нынешняя же отечественная психология вообще не может похвастаться общими теориями и вместе со всей нашей социо-гуманитарной наукой превращается в механизм трансляции знания, в том числе и теорий, из западной, преимущественно американской, науки в нашу социальную практику [27]. При этом современные отечественные психологи, не создающие общих теорий, а тем более не вырабатывающие образов общества, похоже, довольствуются заимствованием образов, генерированных другими науками, которые в результате переносятся и в психологию. А из всех подобных образов наиболее «прилипчивым» в нашей психологической науке оказался марксистский экономико-центристский образ.

Не пуская запоздалых стрел вслед марксизму, все же уместно напомнить, что он не только был у нас догмой и руководством к действию (да еще к какому!), но и превратился в стиль мышления с такими ключевыми атрибутами, как деление общества на экономический базис и не слишком существенную надстройку; экономический детерминизм; представление о том, что происходящее в обществе обусловлено, главным образом, экономическими причинами, причем для идеологов наших реформ, формально отвергнувших марксизм, этот стиль мышления характерен ничуть не менее, чем для его правоверных адептов¹⁰. Продуцируемый таким мышлением образ общества, который М. Рац характеризует как «отрыжку марксизма» [16], все еще доминирует и в отечественной социогуманитарной науке, и в нашей социальной практике, что, во-первых, оттесняет такие науки, как психология, на периферию, во-вторых, порождает традиционный результат наших реформ, описываемый формулой: «опять забыли про человека».

Как пишет Н. Армистед, «марксизм никогда не уделял должного внимания социальной психологии, рассматривая социально-психологические проблемы как вторичные по отношению к макропроблемам социальной структуры» [38, с. 25]. До сих пор сказывается и марксистская традиция делить социальные явления на «объективные» и «субъективные», относя психологические процессы к последним, хотя, казалось бы, что может быть в мире людей более объективного, чем человеческая психология? Кроме того, выстраивание экономико-центристского образа общества осуществляется в рамках другой марксистской традиции нашей общественной науки — игнорирования реальности и ее подмены абстракциями, в результате чего, например, в учебниках экономики описывается экономика, какой она «должна быть», а не реально является в нашем обществе (все теневые явления, такие как бандитские «крыши», тотальная коррупция, повсеместное нарушение законов, не рассматриваются вообще или трактуются как временные аномалии), и соответствующий образ общества носит довольно-таки мифический характер.

Этот образ выглядит особенно архаичным на фоне мировых тенденций в развитии экономической науки, таких как ее сближение с психологией, трактовка экономики как системы экономического поведения людей, а не изменения курса валют или траектории движения товаров. Психологической науке давно пора предложить новый образ нашего общества, внедрив в массовое сознание понимание важности макропсихологических закономерностей его организации и развития, в частности, психологических корней социальных революций и других общественных изменений.

В данной связи следует отметить, что и наша история, и изменения, произошедшие в России после 1991 г., в отечественной социогуманитарной науке пока не получили сколь-либо удовлетворительного концептуального осмысления (прежнее марксистское объяснение «тихо» отвергнуто, а новое не предложено — возможно, дабы не тревожить «тени прошлого» и не привлекать внимания к нашим новым социальным противоречиям). В результате на тематической карте отечественной социогуманитарной науки образовалось большое «белое пятно», которое рано или поздно будет заполнено, но если это произойдет без участия психологии, новый образ общества тоже будет существенно искажен.

¹⁰Следует подчеркнуть, что парадоксальная участь марксизма в России, о которой писали С. Л. Франк, Н. А. Бердяев и другие пассажиры «корабля философов», пострадавшие от превращения этого учения в «руководство к действию», прослеживается и сейчас. Так, например, когда у нас не было никаких антагонистических классов, нас заставляли штудировать учение о классовой борьбе, а теперь, когда наша страна, достигнув рекордных значений децильного индекса (выражающего соотношение доходов 10% наиболее богатых и 10% наиболее бедных слоев общества), буквально трещит от классовых противоречий, о ней заставляют забыть. Заслуживает упоминания и то, что марксистская критика буржуазного общества вполне применима к современному российскому обществу, что неудивительно. Ведь у нас «новое общество» строили преимущественно люди с марксистским стилем мышления, в прежние времена критиковавшие капитализм за его «хищнический», «бесчеловечный» характер. Вполне естественно, что, воспринимая капитализм подобным образом, они, придя к власти, именно такой капитализм у нас и построили, ибо другого попросту не знали.

Обозначенный локус социальной ниши психологии охватывает суть происходящего и в нашем нынешнем обществе. Соответствующие образы генерируются, в основном, политиками и идеологами, а психологическая наука вновь находится в стороне от этого процесса, предпочитая изучать более «спокойные» и политически иррелевантные проблемы (политическая психология служит лишь частичным исключением, при этом тоже ограничиваясь частными задачами). В то же время целый ряд важнейших социальных проблем, таких как социальные изменения [1], последствия реформ, этнические конфликты, терроризм, радикализм, дедовщина, остро нуждаются в психологическом изучении. Нуждается в нем и, возможно, ключевой для любого общества вопрос — о том, какое соотношение свободы и ее ограничений оно может себе позволить. Да и такие глобальные ориентиры развития нашей страны, как построение «экономики знаний», предполагают основательную психологическую проработку на предмет их реалистичности в обществе, где не сформирована «инновационная психология» (см.: [28]).

Вообще следует подчеркнуть, что оценки происходящему в нашем обществе даются преимущественно в экономических и политических терминах, в то время как немаловажную роль играют и его социально-психологические изменения. В частности, когда подводятся итоги реформ и ставится вопрос о том, лучше или хуже мы стали жить за последние годы, используются преимущественно экономические критерии сравнения. Не отрицая важности этих критериев, следует подчеркнуть, что главная цель любых реформ — не повышение экономических показателей самих по себе, а улучшение жизни населения. Одним из важнейших индикаторов этого улучшения служит удовлетворенность населения результатами реформ, формирующаяся под влиянием не только экономических, но и целого ряда социальных и психологических факторов.

Здесь уместно обратиться к теории А. Маслоу, выделившему пять уровней потребностей человека: физиологические; в безопасности; в принадлежности и любви; в самоуважения; в самоактуализации. Он высказал предположение о том, что в современном ему западном обществе физиологические потребности удовлетворяются примерно на 85%, потребности в безопасности и защите — на 70%, в любви и принадлежности — на 50%, в самоуважении — на 40%, в самоактуализации — на 10% [34]. Оценивая уровень удовлетворения двух первых уровней человеческих потребностей в современном российском обществе, можно предположить, что физиологические потребности удовлетворены примерно у 60% населения (т. е. у всех, за исключением живущих за чертой бедности), а потребность в защите и безопасности — не более чем у 5% (т. е. только у тех, кто живет за высокими заборами под защитой личных охранников). Подавляющая же часть наших сограждан сейчас не защищена не только социально, но и физически, что не может не сказываться на их психологическом состоянии и удовлетворенности реформами.

Практически все основные ориентиры и цели развития нашего общества — удвоение ВВП, снижение инфляции, укрепление национальной валюты и т. п. — тоже носят преимущественно экономический характер. Было бы абсурдным отрицать значимость экономических показателей, но они нуждаются, как минимум, в дополнении другими индикаторами благополучности общества, такими как динамика численности населения, рождаемости, смертности и др. Можно ли считать благополучным общество, в котором ВВП и другие экономические показатели растут, а численность населения ежегодно сокращается — вопрос, наверное, риторический. Первостепенное значение должен иметь и такой комплексный показатель, как психологическое здоровье населения, учитывающий статистику самоубийств, психических расстройств, эмиграции, преступлений, браков и разводов. Еще один риторический вопрос: можно ли считать успешно развивающейся страну, значительная часть населения которой не хочет жить (обратимся к удручающей статистике самоубийств) или, по крайней мере, не хочет жить в этой стране (о чем свидетельствует статистика эмиграции)? Тем не менее, во всех подобных случаях мы демонстрируем «упертость в экономику» [16], игнорируя социальные и психологические показатели состояния общества, т. е. проявляем, причем не в теории, а на практике, не просто экономический детерминизм, а экономический кретинизм, не желая видеть в обществе ничего, кроме его экономики.

Одна из важнейших мировоззренческих задач психологии — «психологизировать» экономико-центристский образ нашего общества и ориентиров его развития, проявив свою социальную релевантность в этом, возможно, самом «большом деле». Создание образа общества имеет и важную социально-конструктивистскую составляющую, ибо от этого образа во многом зависит, какое общество мы построим (вспомним теорему Томаса: «если ситуация определяется как реальная, она реальна по своим последствиям», контрастирующую с марксистской дихотомией «объективного» и «субъективного»). Трудно не согласиться с Ф. Томасом и в том, что одной из важнейших функций социальной науки является создание образов будущего, которые призваны направлять социальные инновации [14]. Как подчеркивал С. Московичи, психологическая наука должна критиковать и преобразовывать существующий социальный порядок, выявлять возможности улучшения общества. Он писал, что «социальная психология ... должна повернуться к реальности, участвовать в социальных экспериментах и в установлении новых социальных отношений» [35, с. 64], в том числе и в выработке конструктивных альтернатив существующему социальному порядку.

Конструирование социальных практик

Данная социальная функция психологии¹¹ соотносима с тем, что Б. Адам и Ю. Ван Лун называют социальной инженерией или участием науки в социальном конструировании порядка и контроля.

Хотя само понятие «социальная практика» не получило в психологической науке широкого распространения, она имеет непосредственное отношение к их изучению и конструированию. Как пишет Э. Гидденс, «предметом социальных наук ... являются социальные практики, упорядоченные в пространстве и во времени» [32, с. 2], и психология — не исключение. В частности, социальные системы, являющиеся главными «единицами» организации общества, в свою очередь конституируются социальными практиками, представляющими собой различные формы взаимозависимости субъекта действия и группы [там же]. Нетрудно заметить, что, например, определения предмета социальной психологии ([8] и др.) выглядят очень близкими такому пониманию социальных практик, которые соответственно тесно связаны с предметом психологической науки.

Социальные практики актуальны для психологии и как предмет изучения, и как объект практического воздействия, минимальным вариантом которого является встраивание психологического знания в соответствующие практики, максимальным — их реорганизация на его основе. Например, если принимаемые на работу проходят собеседование с психологом, можно говорить о том, что психолог, а следовательно, и психологическое знание, встроены в соответствующую социальную практику. Если же прием на работу всецело определяется, скажем, результатами психологического тестирования, то эта психологическая процедура является краеугольным камнем данной социальной практики, реорганизованной («ре-» потому, что так было не всегда) на психологической основе.

Психология в современном обществе, в том числе и в нашем, российском, достаточно заметна в обоих качествах, особенно преуспевая в плане встраивания в социальные практики. Психологи инкорпорированы в деятельность различных организаций, участвуя в отборе (рекрутменте) их персонала, его оценке (ассесменте), обучении, а также в других видах социальных практик, таких как педагогическая, терапевтическая и т. д. При этом область социальных практик, отмеченных участием психологов, постоянно расширяется. Отрадной тенденцией является также то, что включенность психолога во многие социальные практики становится нормативным, и, скажем, школа или солидная коммерческая фирма, где нет психолога, выглядят как аномалии.

Вместе с тем, при всем уважении к социальным практикам, в которые включены психологи, трудно не заметить, что и здесь проявляется дихотомия «больших» и «малых дел»: в наиболее важных социальных практиках, таких как выработка программ государственного развития или принятие новых законов, психологи пока не участвуют. В результате потенциальные возможности психологии в данном плане оказываются существенно ограниченными сложившимися в нашем обществе традициями.

Яркий пример отсутствия психологии в социальной нише, в которой она должна присутствовать, — организация различных видов профессиональной деятельности. Любая подобная деятельность предполагает создание соответствующей мотивации, распределение функций между ее участниками, поощрение профессиональных успехов, санкции за просчеты и недостаточную эффективность, т. е. целый комплекс задач, имеющих очень существенную психологическую составляющую, но при этом, как правило, решаемых без участия психологов — на основе здравого смысла (или его отсутствия) и сложившихся традиций. В результате в

организацию различных видов профессиональной деятельности часто закладываются психологически безграмотные решения, что существенно ее ухудшает. Характерной иллюстрацией может служить формирование мотивации с опорой на расхожие стереотипы, противоречащие психологическим закономерностям. Скажем, в быту широко распространен стереотип «чем выше мотивация, тем лучше», противоречащий хорошо известному в психологии закону оптимума мотивации, по достижении которого дальнейшее повышение мотивации снижает эффективность деятельности. В психологических исследованиях также установлено, что мотивация нарастает с ростом внешнего подкрепления не линейно, а в соответствии с п-образной кривой («эффект обратной мотивации»), что тоже, как правило, не учитывается традиционными способами организации различных видов профессиональной деятельности. Другими словами, их грамотное обеспечение требует учета целого ряда психологических закономерностей, которые пока не ассимилированы соответствующими социальными практиками.

¹¹ Вообще о социальных функциях социогуманитарной науки см. [26].

Довольно нелепо — и с социальной, и с психологической точки зрения — сейчас выглядят и наши конкретные социальные практики, из которых в процессе реформ были изъяты важные элементы. Например, педагогическая практика, одним из краеугольных камней которой традиционно был принцип единства обучения и воспитания, имевший весьма тривиальный и отточенный историей человечества смысл: мало вкладывать в детей знания, надо еще и развивать их нравственные качества. Захлестнувшая нас либеральная волна смыла вторую часть этого тезиса, потопив ее в таких формулах, как «можно все, что не запрещено законом» (следовательно, мораль вообще не нужна), «рынок сам расставит все по своим местам» и т. п. И расставил, в результате чего у нас наблюдается криминализация всей общественной жизни; в иерархии профессий, характерной для молодого поколения, проститутка оказалась намного выше ученого; молодые люди принципиально не уступают старушкам места в общественном транспорте, в общем, происходит то, что Э. Гидденс назвал «испарением моральности» [32].

Все эти характерные для современной России явления имеют общую причину — отсутствие какой-либо системы воспитания и морального контроля, канувшей в лету вместе с выполнявшими эту функцию партийной, пионерской и комсомольской организациями. А надежды на то, что закона самого по себе достаточно в качестве механизма регуляции социального поведения (это при нашем-то отношении к законам!), или на то, что он будет дополнен внутрилличностными самоограничениями (на которых собственно и основана западная цивилизация), оказались утопичны. В результате мы стоим перед «разбитым корытом» совершенно разрушенной системы воспитания, на обломках которой произрастают такие культивируемые нашими СМИ варианты «национальной идеи», как, «открой бутылку и выиграй», «укради и не попадись», а то и просто «укради»¹², воспитательное влияние которых тоже не следует недооценивать. В этих условиях одна из главных задач психологии — показать нашему обществу, что оно не может обойтись без системы воспитания, которую нельзя заменить ни патриотической патетикой, ни псевдолиберальным анархизмом. Очевидны и практические возможности психологии в восстановлении данной социальной практики, например, путем создания системы выработки моральных качеств с помощью не морализаторства, а куда более эффективных психотренингов (см. [12] и др.).

Особого упоминания заслуживает и юридическая практика как создающая основу для социальной регуляции поведения человека и отношений в обществе. У нас считается, что разработка законов — дело юристов (в чем есть определенная логика) и политиков (в чем логики

нет). При этом совершенно упускается из вида, что юридические законы — не только формальные правила поведения граждан, но и основные принципы взаимоотношений между ними, которые должны, во-первых, выражать некоторую социальную необходимость, во-вторых, быть эффективными регуляторами человеческого поведения. Это предполагает их социологическую и психологическую продуманность, которой они не могут обладать, когда социологи и психологи не принимают участия в их разработке. В результате, хотя, конечно, не только по этой причине, визитными карточками нашего общества стали такие явления, как «вредный», т. е. социально нецелесообразный, или «не работающий», т. е. не выполняющий своих регулятивных функций, закон, а соответствующая социальная практика выглядит как образец социологической и психологической безграмотности.

Подобных примеров можно привести столько же, сколько социальных практик существует в нашем обществе, — бесчисленное множество, поскольку, во-первых, любая социальная практика требует участия психологии, во-вторых, как правило, организована без ее участия. Наиболее же оптимальным вариантом участия психологии в конструировании этих практик является не только ее «встраивание» в их организацию путем включения в них психологов и использования отдельных элементов психологического знания, но и их реорганизация на психологической основе, т. е. построение их оснований на базе психологических закономерностей.

Заключение

Сказанное можно суммировать в следующих основных положениях.

«Заметность» той или иной социогуманитарной науки в обществе и ее место в иерархии социогуманитарных дисциплин пропорциональны ее социальной релевантности — мере участия в обсуждении и решении глобальных социальных проблем.

Психология, несмотря на свою высокую социальную востребованность и практическую релевантность, в нашем обществе и в отечественной иерархии социогуманитарных наук занимает довольно скромное место, что во многом объясняется ее невысокой социальной релевантностью — участием преимущественно в «малых», а не в «больших делах».

Вместе с тем, психология обладает большим потенциалом повышения социальной релевантности, основными направлениями которого являются выполнение ею мировоззренческой и конструкционистской функций — создание образов общества и происходящего в нем, а также конструирование социальных практик.

¹² Куда более оригинальным, хотя тоже симптоматичным, вариантом нашей национальной идеи стало всерьез обсуждавшаяся в одной из телепередач идея всеобщего похудания населения России: дескать, мы слишком толстые, и от этого все наши беды, а как только похудеем, все у нас будет замечательно.

Повышение социальной релевантности психологии предполагает расширение ее социальной ниши и ее проблематики, в частности, добавление к традиционным объектам психологического изучения, которыми являются психические процессы, личность и группа, еще одного объекта — общества в целом. Макропсихология, изучающая этот объект, представляется одним из наиболее перспективных направлений психологического исследования и применения психологических знаний.

Повышение социальной релевантности психологии и расширение ее социальной ниши, для которых имеются все предпосылки, позволит ей занять более заметное место в нашем обществе и подняться в иерархии социогуманитарных наук, превратившись из «надстроечной» в одну из «базисных» дисциплин.

И еще одно — заключительное — замечание. Понятие социальной релевантности следует дополнить понятием вынужденной социальной релевантности. Наше общество простит психологической науке недостаточную надежность создаваемого ею знания¹³. Но оно не будет ждать, пока это знание «дозреет» до его нужд, и негативно воспримет ее недостаточную активность в решении глобальных социальных проблем.

¹³ Подчеркнем в этой связи, что, скажем, психоанализ стал мощной индустрией на Западе и становится ею в нашей стране, несмотря на то, что ни одно из его положений не получило строгого научного подтверждения. Как пишут Л. Хьелл и Д. Зиглер, «после смерти Фрейда персонологи почти полностью игнорировали объективную и систематическую верификацию центральных теоретических положений Фрейда» [20, с. 137], а «сам Фрейд тоже не акцентировал внимание на проблеме эмпирической валидации, основанной на контролируемом, систематическом изучении феноменов в лаборатории, как делают сегодня большинство психологов» [там же, с. 137].

Список литературы

1. Андреева Г. М. Социальная психология и социальные изменения // Психол. журн., 2005. N 5. С. 5 — 15.
2. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Современная социальная психология на Западе. М.: Изд-во МГУ, 1978.
3. Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М.: Прогресс, 1961.
4. Белов Е. В., Плотникова С. Г. Социально-гуманитарное образование в России: материалы социологического исследования // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы. М: Логос, 2001. С. 225 — 311.
5. Василюк Ф. Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003.
6. Визгин В. П. Истина и ценность // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990. С. 36 — 51.
7. Дежина И. Г. Наука в российских вузах: что делается сегодня для ее поддержания и развития? // Науковедение, 1999. N 4. С. 121 — 143.
8. Краткий психологический словарь. М.: Политиздат, 1985.
9. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, 2005.
10. Макарычев А. С. Ученые и политическая власть // Полис. 1997. N 3. С. 89 — 101.

11. Наука и общество на рубеже веков. М., 2000.
12. Лебедева Н. М., Лунева О. В., Стефаненко Т. Г. Тренинг этнической толерантности для школьников. М.: Привет, 2004.
13. Нефедова З. А., Пахомов Н. Н., Розин В. М. Об обеспеченности высшего социально-гуманитарного образования учебной литературой // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: Состояние, проблемы, перспективы. М.: Логос, 2001. С. 312 — 317.
14. Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические проблемы. М., 1994.
15. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
16. Рац М. Идея открытого общества в современной России. М., 1997.
17. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
18. Степин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996.
19. Филатов В. П. Ученые «на виду»: новое явление в российском обществе // Общественные науки и современность, 1993. N 4. С. 89 — 96.
20. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 1997.
21. Шиянова И. А. Фундаментальное и прикладное знание в преподавании социально-гуманитарных дисциплин // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы. М.: Логос, 2001. С. 70 — 78.
22. Цепляев В., Пивоварова Л. В коридорах власти пахнет анализами // АиФ, 2002, август, N 33 (1138).
23. Юревич А. В. Национальные особенности российской науки // Наукосведение, 2000. N 2, С. 9 — 23.
24. Юревич А. В. Новая траектория развития российской науки: из космоса в политику // Наукосведение, 1999. N 4. С. 74 — 88.
25. Юревич А. В. Новые русские ученые // Независимая газета, 24 декабря 2003 г. С. 12.
26. Юревич А. В. Полифункциональность науки и стратегии ее возрождения в современной России // Наука в России: современное состояние и стратегии возрождения. М.: Логос, 2004. С. 35 — 47.
27. Юревич А. В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2004.
28. Юревич А. В., Цапенко И. П. Нужны ли России ученые? М., 2001.

29. Adam B., Loon Van J. Introduction: Repositioning risk; the challenge for social theory // The risk society and beyond. London: Sage Publications, 2000. P. 1 — 31.
30. Bandura A. Aggression: A social-learning analysis. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1973.
31. Bandura A. Social foundations of thought and action. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1986.
32. Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
33. Israel J. Stipulations and construction in the social sciences // The context of social psychology: A critical assessment. N.Y., 1972.
34. Maslow A. H. Motivation and personality. N.Y.: Harper and Row, 1970.
35. Moscovici S. Society and theory in social psychology // The context of social psychology: A critical assessment. N.Y., 1972.
36. Political psychology. San Francisco: Jossey-Bass Publ., 1986.
37. Polkinhorne D. E. Postmodern epistemology and practice // Psychology and postmodernism. London, 1994. P. 146 — 165.
38. Reconstructing social psychology. Harsmondworh, 1974.
39. Skinner B. F. Reflections on behaviorism and society. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1978.